

КУЛЬТУРА В «МИРЕ, КОТОРЫЙ ВО ЗЛЕ ЛЕЖИТ», ИЛИ К ВОПРОСУ О НОВОЙ ГРЯДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Культура нашего времени — десятых годов XXI века — переходная. Это культура перехода в иную цивилизацию. Переход может что-то остановить, а если этого не произойдет, то современные изменения в культуре, накапливаясь, переведут ее в иное качество. Это качество связано с принципиально иным взглядом на человека, принципиально иной антропологией, которая господствует в обществе. Данный взгляд (основанный на примате эмпирического человека — как он есть со всеми его страстями и пороками, ограниченными только условными социальными рамками) имел мощное философское обоснование в прошлом, но философы, его породившие, поклялись бы, что речь не шла о таком его результате. И действительно, они не его имели в виду.

Начнем наши рассуждения с одного методологического замечания. Как мне представляется, дьявол кроется в коннотациях, а именно в том, что идеи, являющиеся фактами общественного сознания, выступают не сами по себе, а в определенных ассоциациях: одна идея влечет за собой другую, логически с ней непосредственно не связанную, но которая по привычке мышления, сложившейся в ту или иную эпоху, мыслится в совокупности с первой так, как если бы одна следовала из второй. Приведу пример. Во второй половине XIX века многих молодых людей привлекала благороднейшая идея служения народу. Но многие из них связывали эту идею с прогрессистскими идеями, что на практике вело к революционизированию народа. В принципе идеи прогрессизма и служения народу сами по себе не связаны между собой, но дух эпохи состоял в том, что они ассоциировались. Теперь же сам прогрессизм породил ассоциации, от которых рад был бы избавиться.

Итак, проблема нашего времени заключается также в ассоциации идей. Много говорят об обществе потребления, массовой культуре, которые отучают людей думать. Но масса народа и в любую эпоху не много думает. Другое дело,

что в стабильную эпоху народы живут в рамках традиций, порой достаточно глубоких и умных, на которые люди опираются. Но бывают эпохи, когда традиции рушатся и наступает безвременье. Как правило, безвременье — это очередная смута, после которой прежняя традиция, видоизменяясь, укрепляется, происходит эволюция общества. Иногда это смена эпох, апофеоз чего — декаданс — римский мир периода упадка, после краха которого произошла смена цивилизаций. Но! Новая цивилизация вызрела не на основании идеологием, распространенных среди разлагающегося общества поздней Римской империи, а почти незаметно в ее недрах как форма культуры, позднюю Античность с ее свободой нравов и агностицизмом полностью отрицающая. Сейчас — иначе!

Идет процесс, похожий на то, что происходило в период декаданса, но каков будет результат? Тут вопрос — в ассоциациях идей, а именно об ассоциировании набора идей, связанных с различными противоестественными проявлениями человека, включая противоречащие инстинкту самосохранения, с идеей права человека, а через нее — с прогрессом и научностью. Теоретически мы можем ожидать, что внутри нашей цивилизации содержатся совершенно неожиданные и противоречащие идеологемам безвременья зародыши будущей цивилизации, как это было в Древнем Риме. При этом и в Риме идеология времени упадка имела определенные философские основания. Древнегреческая философия породила софизм и агностицизм, которые привели к представлению о множественности истин, плюрализме мнений, отсутствию Истины (с большой буквы), то есть чего-то или кого-то, кто есть на самом деле вне зависимости от того, какого мнения мы на этот счет придерживаемся. «И что есть истина?» — устало-равнодушно-иронично спросил в свое время Пилат у Истины. Для него Истины не было, был плюрализм мнений. Эта доктрина родом из Афин. Значительный пласт древней цивилизации держался на ней и до того, когда она стала всеохватной в период декаданса. Эта доктрина была осмыслена и по-своему проработана, но все-таки далеко не так, как она проработана и систематизирована, возведена в принцип в современности. Поколения

философов века — века! — осмыслили ее, разрабатывали, учитывали все нюансы, придавали привлекательный вид. И общественное мнение века назад приняло ее. Современность только довела эту идеологию до логического конца.

Я говорю о гуманизме, который предполагает веру в то, что человек по природе хорош, что в нем плохое — только комплексы и наслоения, наследие несправедливости, что противостоит христианству, в котором эмпирический человек, человек как он есть — падший человек, обладает дурными наклонностями, которые преодолеваются только в процессе преобразования себя с помощью Божественной благодати, то есть при коренном изменении человеческой природы. Гуманистическая парадигма имеет несколько коннотаций: одна из них — вера в прогресс, основанный на вере, что человеческую природу надо очистить от того, что ее травмирует в социальном смысле, то есть изменить общество. Отсюда — вера в возможность справедливости. Отсюда вообще вера в некую упорядоченность человеческого бытия, отсутствие неизбежно иррационального и в природе человека, и в мире в целом. Из этого вытекает, с одной стороны, вера в познаваемость мира и возможность преобразить его рациональным путем (то, что называют верой в науку), а с другой — вера в права человека, то есть в возможность предоставления свободы любым внутренним интенциям человека, если только они рационально (законодательно) не ограничены: «пусть расцветают все цветы», поскольку если человек не нарушает рационально принятых этических нормативов, которые сводятся к «живи и дай жить другим», то он всегда прав. Тут мы видим пример ассоциации идей: утверждение о доброкачественной природе человека в философии гуманизма не было связано с тем, что любая интенция человека, если она не несет определенный условными общественными нормами вред, — добро. Ибо гуманистическая концепция предполагает естественную мораль, некие естественные, согласующиеся с естеством человека проявления и их противопоставление противоестественному. Правда, гуманизм подразумевает, что причиной последних является несовершенство мироустройства, а не греховность природы самого человека. Тем не менее

иногда понимание противопоставления естественного и противоестественного вполне отчетливо формулируется и в наше время. Мне встречались возражения старых, классических гуманистов, например, против гомосексуализма, основанные именно на противопоставлении естественной и неестественной морали, которые полагали, что признание гомосексуализма относящимся к естественному — это отказ от гуманистической цивилизации. Отсюда делается вывод, что право на гомосексуальные отношения должно относиться не к правам человека, а только к определенным привилегиям, даруемым в виде исключения из естественного порядка вещей. Но такой построенный на логике классического гуманизма вывод встречается редко, чаще он подменяется вульгарным гуманизмом.

В этом же ряду противоестественных, признанных естественными парадигм — воинствующий феминизм с его апофеозом аборт и права на свое тело, стремлением к одностороннему доминированию, в том числе через криминализацию харассмента и подавление неких природных проявлений, опять-таки, по логике классического гуманизма, естественных гендерных, — мускулинности и фемининности, иными словами, мужественности и женственности. Последнее серьезнее, чем кажется, поскольку способно привести к тотальной вражде в обществе — войне полов. К этому же ряду относится навязанное современным гуманизмом право на групповую культурную идентичность, которое разрушается мультикультурализмом, изначально одной из естественных в определенных ситуациях моделей межэтнического сосуществования, которая, будучи глобализированной, превратилась в мощное оружие уничтожения Запада как христианской цивилизации. А в идеологическом плане произошло вот что: право личности в определенной ситуации признали выше права коллектива, то есть право беженца переселиться в чужую среду и сохранять в ней свои обычаи выше, чем право этой среды защищать свою коллективную целостность.

Здесь можно было бы говорить о некоторой избирательности в признании тех или иных прав личности, но причина скорее в том, что ситуативно были

высвечены именно эти права. Суть неогуманизма — в признании любых прав личности, уже даже не всегда с оглядкой на «дай жить другим». И, возможно, со временем эта система будет становиться все более всеохватной и эксплицитной, артикулируемой. Теоретическая база под ней, пока еще фрагментарная, станет системной, будет выработана соответствующая законченная философская система. Но если построить ее на основании тезиса, который лежит в ее основе: «Бога нет, и все позволено», — то в таком виде теория может стать достоянием только единиц. Поэтому через ассоциацию понятий она будет укоренена в классическом европейском гуманизме, из которого возникла, но который в своих лучших, но единичных представителях будет настаивать на том, что произошло это через маленькую логическую ошибку. В массе своей современные европейские гуманисты останутся замороженными неогуманистической коннотацией тезисов о праве на все свободные проявления личности, когда они не нарушают уголовного кодекса, параллельно с декриминализацией все большего числа человеческих интенций, которые люди до сих пор считали преступными (как педофилию).

В итоге мы будем иметь принципиально новую цивилизацию, построенную на новой антропологии. Ее важным атрибутом станет стремление к достижению бессмертия через медицину или синтезирование тела человека из сверхпрочных материалов. Но это само по себе вторично уже хотя бы потому, что пока не является вопросом завтрашнего дня для тех, кто не относится к элите. Это просто фактор, относящийся к построению новой антропологии. Суть новой цивилизации заключается именно в стирании граней между естественным и неестественным, что, кстати, скорее в ущерб гуманистической концепции, чем христианской. В христианстве есть праведность и грех. И грех в известном смысле естествен, ибо падший человек совершает его исходя из своей падшей природы, добродетель же вышеестественна, она достижима только Божией благодатью. В гуманизме же есть понятие нравственного закона, которое позволяет квалифицировать проступки как естественные, то есть превышение меры, заложенной нравственным законом (например, блуд как удовлетворение

естественной потребности общественно неодобряемым путем), и противоестественные (например, мужеложество, поскольку такой потребности у здорового человека нет).

В новой цивилизации будет повержен именно естественный человек: идеологема естественного человека, с которой европейская цивилизация прожила несколько веков. И в этом смысле уже все равно, будет ли создан искусственный интеллект или насколько лет медики смогут продлить жизнь человека. Интеллект обычного человека перестанет быть естественным в том смысле, в котором мы до сих пор это понимали. Он будет качественно другой, как у существа мыслящего не в тех категориях, на которых построена наша культура. Нам трудно понять, как мыслили майя — так же совершенно иначе будет мыслить человек, относящийся к новой европейской цивилизации. И мы можем ожидать от него чего угодно, любой неожиданности. Но это будет человек, не вписанный в гуманистическую антропологию, но выросший корнями именно из классической гуманистической цивилизации. Общество потребления — переходный этап. За ним, может быть, последует общество неких интеллектуалов, но таких, что нынешний потребитель еще будет казаться символом уюта и милого глупого обывательства. Ибо «если Бога нет, то все позволено».